

12. D.T. Campbell, ср. Kristiansen C.M., Hotte A.M. Morality and the self: Implications for the when and how of value-attitude-behavior relations // The psychology of values: The Ontario Symposium / Под ред. С. Seligman, J.M. Olson, M.P. Zanna. – Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associate, 1996.

13. Smith M.B. Values, self and society: Toward a humanistic social psychology.– New Brunswick, NJ: Transaction, 1991.

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

О.Г. Шаврова

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Одним из конституирующих цивилизационных процессов современности является глобализация, затрагивающая все сферы жизни общества. Понимание сущности этого процесса, его предпосылок и исторических рамок, характера и последствий является сегодня предметом самых острых дискуссий, переросших в Глобальный Диспут (Global Talk). Сформировалось отдельное направление, в котором исследуются проблемы развития современной цивилизации, приобретающие всемирный характер, требующие глобального подхода и глобальности мышления, – глобалистика. Вместе с тем многие исследователи отмечают значительное расхождение в трактовке сути глобализации. Так, У. Бек пишет: «Без сомнения, глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым – и наименее проясненным, вероятно, самым непонятым, затуманенным, политически эффективным словом (лозунгом, оружием в споре) последних лет и останется таковым в ближайшее время» [1, с. 40].

Понятие «глобализация» отражает суть изменений всех сторон жизни общества под влиянием общемировой тенденции к взаимодействию и стремления к открытости. Данное понятие в настоящее время используется для обозначения широкого спектра событий и процессов: стремительного развития транснациональных концернов и корпораций, роста международной торговли; интенсивной борьбы за установление нового мирового порядка, возрастающего количества и расширяющегося влияния международных организаций, ослабления суверенитета отдельных национальных государств; интенсивно растущих потоков массовой миграции и формирования мультикультурных сообществ; создания планетарных СМИ и экспансии западной культуры во все регионы мира и т. д.

В современных исследованиях специфика глобализации связывается с интенсификацией мировых социальных отношений, сближающих самые отдаленные места и события (Э. Гидденс), «сжатием мира» и формированием единого мирового сознания как условия человеческого существования (Р. Робертсон), а также с изменениями, в ходе которых уменьшается зависимость социального и культурного развития от географических факторов (М. Уотерс). Глобализация рассматривается как всеохватывающий процесс – глобальная социальная трансформация, системный кризис «мир-экономики», проявляющийся в состоянии перехода, когда вся капиталистическая система превращается в нечто иное, переживая завершающий кризис (И. Валлерстайн).

Существует точка зрения, согласно которой «история глобальных отношений» была начата еще в глубокой древности, а представления о глобализации широко распространились лишь в XX веке. Отправной точкой процесса глобализации провозглашается и рубеж XV–XVI веков, и середина XIX, XX веков, и последнее десятилетие XX столетия. Существуют также различные версии определения центра глобализирующегося мира, задающего магистральные пути его развития. В большинстве из этих версий процессы глобализации связываются с безусловным доминированием на мировой арене США, в других в качестве претендента на роль главного полюса глобализирующегося мира рассматривается объединенная Европа, третьи же версии сводят направление глобализации к деятельности транснациональных корпораций, которые не имеют конкретной географической локализации. Разноречиво и понимание самого характера глобализации, которая видится как необратимой реальностью, так и вероятностью; как стихийным, так и поддающимся управлению процессом.

Если под глобализацией понимать осознание того, что человечество представляет собой единство, то началом возникновения данного процесса следует считать XX век. Процессы роста взаимодействия и взаимозависимости в мире имеют давнюю историю. Их основой были, например, экспансия Римской империи как одного из первых государств, которое утвердило свое господство на Средиземноморье и привело к переплетению различных культур; освоение наиболее удобных и экономически выгодных коммуникаций между народами и континентами, подобных Великому шелковому пути; колониальные завоевания, ставшие следствием великих географических открытий; рост торговли и инвестиций между европейскими странами, их колониями и США в эпоху индустриализации. Однако именно XX столетие было отмечено скоростью, многочисленностью и интенсивностью изменений, сопровождающих глобализацию.

Непосредственным толчком глобализации выступила научно-техническая революция, начало которой относится к середине XX века. Начиная с этого времени, предопределившего переход индустриального общества в постиндустриальное, глобальные процессы и события стали преобладать над локальными, превратившись в такую объективную тенденцию, как интеграция человечества. Мощным двигателем глобализации является процесс информатизации и медиатизации общества. Ускоренное развитие глобальных коммуникаций и информационных технологий, позволившее преодолеть пространственные ограничения массовых коммуникаций, повлекло за собой резкое увеличение «плотности» информационных потоков и внедрение информационных технологий во все сферы человеческой деятельности. В настоящее время глобализация проявляется во всех сферах жизни общества: экономической, политической, социальной и культурной.

Особенностью современных глобальных трансформаций считается то, что глобализация существенно опережается глобализмом. Если глобализация в целом представляет собой современный транснациональный процесс, то глобализм является типом мышления, который отражает его экономическое измерение. Основу глобализма составляет идея о реальной возможности построения устойчивой системы международных отношений посредством одностороннего сосредоточения управляющих механизмов развития общества с целью построения однополярного мира. Эта идея предполагает реализацию модели политического и экономического мироустройства, обеспечивающего доминирование ценностей и образа жизни одной из цивилизаций, существующих в современном мире.

Главное содержание современного мирового процесса, согласно А.С. Панарину, составляет «искушение ценностями глобализма» и противостояние этим ценностям со стороны национальных государств и традиционных обществ. Он определяет глобализм как новейшую форму нигилизма, «ищущего алиби в так называемых объективных тенденциях» и «придерживающегося позиции последовательного отстранения от всех местных интересов, норм и традиций» [2, 5-6]. Опасность глобализма, полагает А.С. Панарин, заключается в том, что он грозит миру тотальным экономически застоём, который неизбежно последует вслед за культурной унификацией и всеобщим упрощением.

Глобализация обостряет проблему сохранения уникальности и многообразия культурных традиций, а также актуализирует необходимость поиска оптимальных способов их взаимодействия. Предполагаемое сближение локальных культур на основе ценностей глобального общества становится сегодня все более проблематичным, что дает повод констатировать происходящий в мире «поворот к своим основам». Реалии современности свидетельствуют о «глобальном парадоксе» – нарастающей напряженности между разнонаправленными тенденциями интернационализации и регионализации, глобализации и локализации. Развитие единого взаимосвязанного и взаимозависимого мира сопровождается его фрагментацией, которая усиливается в ходе включения локальных структур в глобальный контекст. Данный контекст приобретает для них особое значение, так как факторы глобального порядка оказывают преобразующее воздействие на социокультурное пространство глобализирующихся обществ, в результате чего культурные традиции претерпевают глубокую трансформацию.

Достаточно распространенным является рассмотрение глобализации как культурной экспансии и культурного империализма – распространения в мировом масштабе западных (американских) стандартов поведения, образа жизни, потребления, досуга. Дж. Ритцер характеризует этот процесс как «макдональдизацию» общества, полагая, что принципы ресторанов быстрого обслуживания (fast food) начинают все больше доминировать не только в американском обществе, но и во всем остальном мире [3]. К этим принципам относятся: эффективность, калькулируемость, предсказуемость, контроль. Они позволяют создавать способные к быстрому развитию и широкомасштабной экспансии структуры, которые вытесняют менее расторопные и предсказуемые экономические и социальные институты прошлого. Человеческая деятельность, выраженная в понятиях эффективности и просчитываемости, становится упрощенной и формализованной, приводя к распространению безальтернативного мышления. Для «макдональдизированного» общества характерны приоритет количественных характеристик, полностью гарантированное качество, упакованность в яркие символические формы, ориентация на шоу-технологии, виртуализация культурных образов.

Расширяя возможности взаимовлияния культур посредством активизации культурных контактов и обменов в «мире без границ», глобализация влечет за собой опасность растворения их уникальности и самобытности в однородном унифицированном пространстве, где все большее распространение приобретают стандартизированные культурные символы и образцы, стили жизни и нормы поведения. Эта опасность акцентируется при однозначном восприятии глобализации как процесса, гомогенизирующего мировое социокультурное пространство. Установление культурной однородности зачастую рассматривается как следствие экономической ин-

теграции, хотя опыт ряда стран свидетельствует о способности культуры сохранять свои традиционные основания в условиях общемирового разделения труда и экономической спецификации. Кроме того, глобализационные процессы вызывают альтернативную по отношению к унификации культуры тенденцию этнокультурной автономизации, которая проявляется в стремлении локальных структур к самоопределению и самоутверждению.

Взаимодействие локального и глобального зачастую воспринимается как инкорпорирование элементов одной культурной системы в пространство другой по принципу коллажной сборки. В данном случае культурная традиция представляется набором этнографических признаков, лишенных историко-культурного контекста и территориальной соотнесенности. На первый план здесь выходит интерес к внешней стороне культуры, основной акцент переносится с бытия традиции на ее репрезентацию. Такое понимание традиции не учитывает ее творческую составляющую, предполагающую возможность адаптации культурного наследия к изменяющемуся социально-историческому контексту. В глобализирующемся мире множество традиционных структур достаточно органично вплетаются в ткань современной цивилизации. С усилением глобальных процессов возрастает их дифференциация, множество локальных культур и традиций обретают «второе дыхание». Таким образом, в контексте глобальных процессов локальная специфика оказывается все более востребованной.

Разнонаправленность глобализации как процесса, реализующегося преимущественно на уровне национальных государств и цивилизационных образований, неоднородность развития этого процесса в экономической, политической и социокультурной сферах делают вопрос о соотношении локального и глобального одним из центральных в осмыслении перспектив развития глобализирующихся обществ. Попытки выработать оптимальные конфигурации локального и глобального приводят к тому, что на смену идее единства и унификации приходит идея универсальности многообразия. Происходящие процессы глобализации с учетом их вариативности и неоднозначности определяются как «глокализация» [4], а акценты смещаются к гетерогенной основе происходящих изменений.

Глобализация и локализация в данном случае рассматриваются как взаимосвязанные процессы, характеризующие изменчивость культурных систем в условиях расширения и трансформации культурного пространства. Р. Робертсон выделяет в глобализации два аспекта: глобальную взаимозависимость национальных экономик и государств и глобальное сознание индивидов, способствующее формированию глобального социального пространства. Р. Робертсон определяет глобализацию как серию разнородных изменений, объединенных логикой превращения мира в «единое место» (a single place). Единство места предполагает то, что мир «сжимается»: условия и характер социальных взаимоотношений в любой его точке одни и те же, а события в весьма удаленных точках могут быть условиями или даже элементами одного процесса.

В глобализации Р. Робертсон также выявляет две направленности: глобальную институционализацию жизненного мира и локализацию глобальности. Для жизненного мира индивидов и локальных сообществ совокупное действие трех факторов (экспансии капитализма, западного империализма, развития глобальной системы масс-медиа) оборачивается экспансией «общечеловеческих ценностей», распространением стандартных символов, эстетических и поведенческих образцов гло-

бальными сетями средств массовой информации и транснациональными корпорациями. Вторая направленность глобализации отражает тенденцию становления глобального через локальное посредством взаимодействия представителей различных государств и культур, включение в повседневную жизнь элементов «экзотических» культур. Р. Робертсон обращает внимание на важную сторону глобализации как социокультурного процесса, рассматривая его в контексте ценностной проблематики [5, с. 71-72]. Он показывает, что такой подход позволяет интерпретировать новейшие феномены социокультурных практик, в которых глобализация обостряет локализацию и наоборот.

Современные глобальные трансформации обостряют ряд вопросов, связанных с пониманием основных механизмов функционирования культуры, ее динамики и целостности. Достаточно распространенное представление о культурной традиции как исключительно консервативной стороне социально-исторического развития не позволяет комплексно рассматривать ее влияние на сложные процессы современной жизни общества. Противоречивые оценки функционального статуса традиции в культуре варьируются от акцентирования консервативных, препятствующих развитию аспектов ее воздействия, до призывов к возрождению и реставрации аутентичного культурного наследия. Между тем, значение традиции в современной культуре определяется спецификой ее функционирования в культурной динамике как основного механизма трансляции и актуализации социально значимого опыта, универсального способа регуляции и регламентации основных форм человеческой деятельности.

Культурная традиция является не только формой сохранения и передачи наиболее значимых элементов социокультурного опыта, но и способом взаимодействия субъектов на основе общего понимания и реинтерпретации закрепленных в культуре смыслов и значений. Традиция как действительность культуры выступает в качестве главного посредника между культурными достижениями прошлого и попытками социального проектирования будущего. Актуализация историко-культурного опыта является «ответом» локальных культур на глобальные вызовы, она подчеркивает гетерогенность общего культурного пространства глобализирующихся обществ. Коммуникативная природа традиции становится предпосылкой взаимодействия и взаимопонимания субъектов в рамках того или иного типа культуры, шире – полилога и полифонии различных культур. Перспектива глобальной полифонии задает представление о будущем цивилизации как широком поле объяснения, где каждая культура будет развивать свое видение мира, взаимодействуя с другими.

Литература

1. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек; пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелника. – М.: Прогресс-Традиция, – 2001. – 304 с.
2. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. – М.: Эксмо-пресс, 2003. – 416 с.
3. Ritzer, G. The McDonaldization of Society / G. Ritzer. – Thousand Oaks, CA: Pine Forge, 2004. – 328 p.
4. Robertson, R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity / R. Robertson // Global Modernities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – L., 1995. – P. 25-44.
5. Robertson, R. Values and Globalization: Communitarianism and Globality/ R. Robertson // Globalization: Critical Concepts in Sociology / R. Robertson, K. E. White (eds). L., 2003. – Vol. 4. – P. 69-84.